

"Мадам, что вас так беспокоит?" Цю Хэ, однако, жестко заблокирован перед лицом Чэня.

"Как ты можешь говорить так, когда самодовольно обращаешься со своей женой?" Цуй Хун сказала, что с блеском.

Возьмите Цюй Хэ, и проигнорировали Цуй Хун, глаза прямо на Чэнь, "Госпожа ходит так паниковать, не так ли, старушка выругала тебя не?"

Чен достала шелковый платок, вытерла уголки рта и сказала: "Есть люди, которые хотят услышать выговор, но их недостаточно, чтобы получить выговор".

Сказав это, она ушла с Цуй Хоном.

Цю Он повернулся и посмотрел в сторону, ее глаза были полны презрения.

В этом обществе со строгой системой, как наложница, они могли только ежедневно давать первой леди утренние и вечерние пробуждения, они не были квалифицированы, чтобы пойти и отдать дань уважения своей свекрови, и им не разрешалось беспокоить ее до Нового года.

Цю Хэ, с другой стороны, даже не была наложницей, и она не могла даже дать первой леди вздремнуть утром, не говоря уже о том, чтобы пойти навестить свекровь.

Слова Чена пронзили ее сердце, как нож.

Цю Хэ тайно решил, что однажды я позволю тебе пройти мимо меня в слезах.

Возможно, старушка увидела неудовольствие Чена, на следующий день, когда Чен пошел отдать дань уважения старушке, старушка фактически не встала.

Чен стоит за дверью, одна станция в час.

Когда вы приходите отдать дань уважения, день еще не рассвело, а теперь солнце уже высоко, Чен стоя ноги онемели, голова тоже пролила плотный пот.

Чен не мог уйти, пока старушка не дала слово, и даже если она не спала в доме, Чен мог стоять только за дверью.

Погода становилась все жарче и жарче, и Чен не посмела помешать отдыху свекрови, и прошло еще полчаса, прежде чем дверь скрипнула горничная.

"Мадам, старушка сказала, что сегодня ей нездоровится, поэтому она попросила вас вернуться

первой."

"Тогда я не буду мешать мадам отдыхать". Чен хотела повернуться и уйти, но обнаружила, что ноги онемели, и она не могла сделать ни шагу, но, к счастью, Цуй Хун поддерживал ее, поэтому ей удалось вернуться в дом.

Кто знал, что как только она вернулась в дом, вошла Цянь Хай.

Как только она вошла в дверь, Цянь Хай начал обвинять ее в правонарушениях.

"Ты все еще леди из большой семьи, как ты можешь быть такой неразумной? Старушка сказала несколько слов о тебе, и ты не рад этому, и ты осмеливаешься бросить лицо в старушку, но ты на самом деле разозлил ее, каковы твои намерения"?

Чен был внезапно ошеломлен, она сама только вчера познакомилась со старушкой и не видела, как она злилась.

Только потому, что она поздно легла спать и не встала, повесив эту болезнь на себя?

"Хозяин, я не делал этого", прежде чем слова были закончены, Цянь Хай бросил пощечину.

На лице Чена пять ярко-красных следов ладони сразу же поднялись.

Только в этот момент она поняла, что если Цянь Хай будет настаивать на поиске вины, ей будет бесполезно объясняться.

Этот вопрос определенно не имел никакого отношения к тому, что Цю Хэ, когда она вернулась вчера, она видела только Цю Хэ в одиночестве, те другие наложницы, она не видела ни одного из них.

"Я скажу пару слов о тебе, а ты все еще сильная, почему бы тебе не пойти в храм, чтобы петь сутры молитвы за старушку, если старушка действительно совершила ошибку, я не пощажу тебя!"

Как только он закончил говорить, Цянь Хай вышел в ярости.

Чен ничего не сказал и взял с собой Цуй Хуна и пошел в храм помолиться.

Теперь Цянь Хай был тем, что говорил Цянь Хай, и до тех пор, пока старушка не вышла, она не могла объяснить это как ей заблагорассудится.

Чен подумал про себя, надеюсь, старушка скоро поправится.

<http://tl.rulate.ru/book/40305/1011840>